

рическомъ памятникѣ, — „къ нему не заростетъ народная тропа“... Это чувствовали и ближайшіе современники; еще сильнѣе почувствовали это люди литературнаго періода, непосредственно слѣдовавшаго за эпохой Пушкина; и еще болѣе это стало сознаваться въ наше время, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій по смерти поэта, когда въ литературѣ смѣнился цѣлый рядъ явленій, которыхъ внутренній смыслъ состоялъ въ развитіи началъ, впервые крѣпко заложенныхъ и завѣщанныхъ Пушкинымъ. Мѣнялись поколѣнія; одно за другимъ слѣдовали событія, глубоко затрогивавшія не только общественную, но и народную жизнь; являлись новые вопросы и заботы; жизни далеко отходила отъ старыхъ преданій; шла борьба вновь сложившихся партій и направлений, — но однажды произнесенное имя Пушкина произвело почти магическое дѣйствіе: московское празднество 1880 года вдругъ соединило всѣхъ въ одномъ интересѣ, забылась на минуту вражда, и это временное примиреніе разнородныхъ элементовъ общества и литературы было нагляднымъ свидѣтельствомъ того, что исторія, наступившая для Пушкина, подтверждавала собственный судъ его о своемъ дѣлѣ. Московское празднество было первымъ — если не всенароднымъ, то все-общественнымъ празднествомъ русской литературы, — и справедливо, потому что съ Пушкина впервые начинается самостоятельная русская литература и первые шаги самостоятельнаго общественнаго сознанія въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, какія произвела новѣйшая русская исторія.

Это историческое обращеніе къ Пушкину началось съ первыхъ же лѣтъ по его смерти. Для Бѣлинскаго, множество разъ говорившаго о немъ и, въ 1843—1846, написавшаго знаменитыя статьи о Пушкинѣ, остающіеся до сихъ поръ единственнымъ цѣльнымъ обзоромъ его поэтическаго творчества, Пушкинъ былъ уже лицо историческое. По вѣрному взгляду Бѣлинскаго, Пушкинъ стоялъ на грани, отдѣлявшей старый, приготовительный періодъ русской литературы отъ ея новаго періода: Пушкинъ закончилъ эпоху, когда литература усваивала подъ европейскими вліяніями новыя поэтическія формы съ тѣмъ содержаніемъ, какое давала европейская образованность, и открывалъ новую эпоху самостоятельной дѣятельности, когда русская поэзія впервые становилась самобытнымъ выраженіемъ русской жизни, впервые овладѣвала всѣмъ богатствомъ народнаго языка и рисовала оригинальныя картины народнаго быта. „Поэзія“ въ первый разъ у Пушкина устанавлилась въ русской литературѣ самостоятельною силой